

КОММЕНТАРИИ

32
2018

№ 3 2

КОММЕНТАРИИ

РЕДАКЦИЯ: Александр ДАВЫДОВ (главный редактор) Владимир АРИСТОВ Игорь ГАНИКОВСКИЙ Александр ИЛИЧЕВСКИЙ Андрей ТАВРОВ Елена НАЛИВАЙКО (ответственный секретарь)

Редакция благодарит Наталью Романенко и Сергея Кауфмана за помощь в подготовке номера

с мнением авторов редакция не согласна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР ВАДИМ РУДНЕВ

КОММЕНТАРИИ

журнал для читателя

СОДЕРЖАНИЕ ||

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ХУДОЖНИКА 7

КОРНЕЛИЯ ИЧИН, ВАДИМ РУДНЕВ *ВВЕДЕНИЕ В XXI ВЕК* 15

КВАДРАТНЫЙ СТОЛ *БЕСЕДА* 25

ЕВГЕНИЙ ШУЛЕПОВ *КАК ПРИХОДИТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК* 33

ВЛАДИМИР ДРУК *ДУМАЙ О ЧЕМ ДУМАЕШЬ* 39

АЛЕКСЕЙ ТУМАНСКИЙ *ТРОТУАРНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ* 43

ИГОРЬ ГАНИКОВСКИЙ *ЖАБА-XXI* 49

ИГОРЬ ЛЕВШИН *НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДЛЯНКА* 55

ИГОРЬ СИД *ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. ПЕРВЫЙ ИЗ НОВЫХ ТЁМНЫХ?* 65

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН *СТРАННОСТЬ ЗНАКОМОГО* 85

ЕВГЕНИЙ МАЙБУРД *ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!* 101

КРИСТИНА ПРАНИЧ *ВЕК ПЕРЕХОДА ОТ ВИДЕНИЯ К ПРОБЕЛУ* 147

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ *КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ XXI ВЕКА* 155

НАТАЛЬЯ РОСТОВА *КИНО И ФИЛОСОФИЯ: МЫ НЕ УМЕЕМ СМОТРЕТЬ* 169

ЕКАТЕРИНА БУБЕНЦОВА *«МАХОЛЛАНД ДРАЙВ» – ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ XXI
ВЕКА* 177

ЕКАТЕРИНА ДАЙС *РЭП ЭПОХИ ГОРА* 193

ЕЛЕНА КУСОВАЦ *УТОПИЯ И КАТАСТРОФА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА
ПЕППЕРШТЕЙНА* 199

КОММЕНТАРИИ

Обложка: Игорь Ганиковский «Имена», холст, масло, пластик, 2002, вид слева, фрагмент.

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН¹

СТРАННОСТЬ ЗНАКОМОГО:
ГАРОЛЬД ГАРФИНКЕЛЬ И ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА

*Людей я знаю плохо, и
мне не очень ведомо,
что значит быть.*

Самуэль Беккет²

Покупатель пытается во что бы то ни стало приобрести журнал в закрытом киоске. Приятель переспрашивает: что ты имеешь в виду, спрашивая у меня «как дела?» Студент, живущий у родителей, пробует заплатить им как жилец квартирным хозяевам. Жена с пристрастием расспрашивает мужа о событиях прошлой недели, ничего не спрашивая о сегодняшнем дне. Игрок в крестики-нолики без предупреждения начинает играть в морской бой. Собеседник вдруг приближает свое лицо нос к носу другого собеседника или демонстрирует, что под пальто у него диктофон.

В таком поведении экспериментатора (а это он выступал в роли покупателя, студента, игрока, собеседника) можно увидеть и безжалостность по отношению к ничего не подозревающим испытуемым, приходящим в замешательство, и, как ни странно, «игривость» – вовлеченность в искусственно созданную игровую ситуацию там, где должна была быть привычная повседневная ситуация. Когда он признается испытуемому, что это был эксперимент в русле социологии повседневности, ему часто ставят в вину, что он «заигрался». Кстати, на том же основании – «заигрался» – принудительно госпитализировали поэта Пригова, за то, что он расклеивал на деревьях и фонарных столбах обращения, вроде этого: «Граждане! Не поддадимся чувству естественности всего происходящего!»³

Пытаясь во что бы то ни стало приобрести журнал в закрытом киоске, Гарольд Гарфинкель выявлял и в шаржированном виде демонстрировал ту слепую вовлеченность, ту серьезную мину, с которой обычно покупают газету. «Я серьезный, ответственный, взрослый человек, и я хочу мою газету». Проблема здесь не в покупке газеты, а в степени вовлеченности; клиент слишком уж верит в то, что он клиент, а продавец чересчур убежден, что он – продавец⁴. Это они «заигрались».

---

1   Георгий Игоревич Чернавин, PhD, доц. НИУ ВШЭ, статья написана в рамках индивидуального исследовательского проекта 17-01-0082 «Феноменологическое исследование само собой разумеющегося» (2017-2018 гг.). (Здесь и далее *Авт*).

2   (Беккет 2008, 60); «...connaissant mal les hommes et ne sachant pas très bien ce que cela veut dire, être» (Beckett 1951a, p. 63).

3   Пригов 2016, с. 455.

4   См. хрестоматийный пассаж в «Бытии и ничто», где официант чересчур верит, что он – официант. (Сартр 2000, с. 93).

Игорь Ганиковский «Голова», скульптура, 2009. Частная коллекция, Франция

Чтобы выявить «странность столь знакомого [нам] мира (*strangeness of an obstinately familiar world*)»⁵, приходится выбивать людей из колеи застывшей самопонятности. Мир упорно (*obstinately*) твердит, что он родной, знакомый и само собой разумеющийся, и требуется встречное упрямство, чтобы вновь и вновь ставить смысл привычного под вопрос. Гарольд Гарфинкель (1917-2011) на протяжении всей своей научной карьеры – продлившейся с сороковых годов XX века до первого десятилетия XXI века – упорно превращал обыденное в заметное⁶, приводил «одержимых здравым смыслом»⁷ в замешательство, экспериментировал с фоновой самопонятностью. Знаменитый случай Агнес показал, что в эту игру могут играть двое.

---

5 (Гарфинкель 2002, 43; Garfinkel 1967, 38); см. также (Гарфинкель 2007, с. 49).

6 «Я предпочитаю начать со знакомых сцен и спросить, что может быть сделано для того, чтобы вызвать беспокойство» (Гарфинкель 2007, с. 48). Об экспериментальном нарушении самопонятности см. (Wolff 1976, p. 9).

7 (Гарфинкель 2007, 78); выражение «judgmental dope» (Garfinkel 1967, p. 66) также вполне обосновано переводят как «здравомыслящий дурак» (Гарфинкель 2002, с. 63).

Игорь Ганиковский «Голова», дерево, акрил, пластик 80x100x10, 2015

* * *

В октябре 1958 года на факультет психиатрии университета Калифорнии обратилась девятнадцатилетняя Агнес⁸. Она выглядела как женщина, вела себя и одевалась как женщина; этому соответствовали женственные формы, тембр голоса и проч. С медицинской точки зрения у нее были крупные, развитые молочные железы, фигура и оволосение – по женскому типу, но вместе с тем и нормальные внешние гениталии мужчины. Агнес родилась мальчиком, а вторичные женские половые признаки развились в пубертатный период. Она настаивала на том, что ее мужские половые органы – это ошибка природы, и утверждала: «Я всегда была девочкой, но мир по ошибке навязывал мне совсем другое» (*Гарфинкель* 2007, с.140). Агнес считала себя нормальной, естественной женщиной, а свои мужские половые органы называла аномальным выростом или даже опухолью. Она всячески настаивала на том, что не имеет ничего общего с гомосексуалистами и трансвеститами, ей было неприятно сравнивать себя с ними.

В течение пяти месяцев с пациенткой проводили еженедельные беседы

---

8 Предварительная версия следующего раздела была прочитана в виде доклада в Философском лектории МВШСЭН 19 апреля 2017. Я благодарен Григорию Юдину и Татьяне Вайзер за организацию этого события.

психиатр, психоаналитик, психолог, социолог и записали на магнитофонную пленку более тридцати пяти часов интервью с ней. В этих беседах она всячески подчеркивала, что разделяет следующую конвенцию: общество состоит из естественных мужчин и естественных женщин. Все, кто не попадают в эти два класса, – «неполноценны, преступны, больны, греховны» (*Там же*, с. 132). Она подчеркивала, что таковы свойства реального мира, и относилась к ним как к объективной данности, которая институциализируется и, тем самым, становится уже нравственной данностью. Агнес считала, что половой статус⁹ определяется природой, для нее было важно разделять это общераспространенное мнение.

Агнес многократно проходила всестороннее медицинское и эндокринологическое обследование. В результате консилиум врачей пришел к заключению, что имеет дело с редким расстройством: синдромом тестикулярной феминизации, при котором гормон эстроген продуцируется в достаточном количестве, чтобы зародыш генетически мужского пола не маскулинизировался, сформировались женские гениталии, а в пубертатный период и вторичные половые признаки. Случай был уникален тем, что пациентка была полностью феминизирована в своих вторичных половых признаках, при наличии мужских гениталий; специалисты пришли к заключению, что эстроген продуцировался в тестикулярной ткани (*Schwabe, Solomon, Stoller, Burnham 1962*, pp. 839-845; *Stoller 1968*, pp.133-134). Ее сочли не транссексуалом, а жертвой редкого отклонения гормонального развития; было принято решение о хирургическом вмешательстве, которое устранило бы эту аномалию. Дорогостоящая операция была проведена за средства UCLA (сама Агнес не располагала такой суммой) – при этом она рассматривалась не столько как операция по перемене пола, сколько, скорее, как избавление пациентки от болезненного гермафродитизма.

Через восемь лет Агнес призналась своему психоаналитику, что у нее никогда не было феминизировавшего ее биологического дефекта, что она сама с двенадцати лет принимала эстроген.

Этот поворот меняет смысл тридцати пяти часов магнитофонных записей и их расшифровок, меняет смысл статьи Гарольда Гарфинкеля, меняет смысл последних четырех абзацев. При разборе этого случая меня прежде всего интересует не гендерная проблематика, которой заморожены как рассказчик (Агнес), так и слушатель (Гарфинкель), а смысловой переворот как таковой. Приведу пример из, казалось бы, другой области: читая «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи, подразумеваешь, что рассказчик вовлечен в расследование преступления. Что происходит с подразумеванием, когда узнаешь, что рассказчик и был преступником? (См. Руднев 1996, сс. 180-193). Подразумевание не просто перечеркивается, скорее сквозь него *проступает* другое подразумевание и, тем самым, переворачивает смысл всего рассказа. Отдельный интерес может представлять такого рода подразумевание-перевертыш.

Возвращаясь к Агнес, меня прежде всего интересует мерцание смысла между

---

9 Ни Гарфинкель (в 1967 году), ни его собеседница (в 1958 году) еще не пользуются понятием «гендер», но уже в 1978 году этот термин настолько в ходу, что Кесслер и Маккенна выносят его в название монографии, работая с тем, что Гарфинкель называл «половым статусом». См. Kessler, McKenna 1978.

двумя полюсам: а. Агнес – искренний адепт «здорового смысла» и б. Агнес – ненадежный рассказчик. Итак, верила ли Агнес сама тому, что говорила?

АГНЕС – ИСКРЕННИЙ АДЕПТ «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»

Предположим, ее убеждение – в том, что она естественная женщина, а половой статус определяется природой – искренне. Но она же знает, что родилась в мужском теле и стимулировала развитие вторичных половых признаков, принимая гормоны. Для Агнес важно воспроизводить общераспространенные, «здравомысленные» представления о вопросах пола, даже если эти представления противоречат ее собственному опыту. Можно ли подавить в себе противоречие между тем, что произносится вслух («половой статус определяется при рождении», «я естественная женщина»), и тем, что умалчивается («я родилась мужчиной»)? Если Агнес не лжет, значит, ей удалось вытеснить это фундаментальное противоречие, «обезвредить» его. Ей удалось быть искренним адептом «здорового смысла» по вопросам полового статуса и одновременно всем своим опытом опровергать эту расхожую позицию.

Описывая свою ситуацию, Агнес использует в качестве ключевой идею «ошибки природы» – один из основных инструментов «здорового смысла», служащий для того, чтобы снимать противоречия. Речь не идет только о расхожем, непрофессиональном представлении о половой принадлежности, еще в 60-е годы XX века в США ведущий специалист крупного факультета психиатрии так реагировал на рассказ о случае Агнес: «Не понимаю, почему стоит уделять столько внимания таким случаям. Она, в конце концов, – очень редкое явление. Эти люди, по сути, ошибка природы¹⁰» (цит. по *Гарфинкель* 2007, с. 134). Агнес была готова солидаризироваться с обывателем, с ученым, с кем угодно; ей было проще признать себя «ошибкой природы (*freak of nature*)», чем поставить под вопрос общераспространенные убеждения. Распространенное мнение звучит так: человеческий мир состоит из естественных мужчин и естественных женщин, хотя есть и другие – «неполноценные, преступные, больные, греховные». Для Агнес важно поддерживать это мнение и при этом быть на стороне «нормальных людей».

Итак, Агнес одновременно считает себя «нормальной, естественной женщиной» и «ошибкой природы». «Я всегда была девочкой, но мир по ошибке навязывал мне совсем другое» (*там же*, с. 140) – избавляет ли эта формула от проблемы? Нет, скорее она разворачивается в целый веер вопросов: где Агнес «всегда была девочкой»? До рождения, до зачатия? Вряд ли это имеется в виду. Скорее Агнес хочет сказать, что в этом мире она всегда по ошибке была в мужском теле, но «внутри» всегда была женщиной¹¹. Но ведь она сама присягнула на верность

10 В оригинале это высказывание звучит еще жестче, чем в русском переводе: «These persons are after all freaks of nature» (Garfinkel 1967, p. 124).

11 Обладала «женской душой» в мужском теле? Агнес воспитывалась в католической семье, но в разговоре с Гарфинкелем она призналась, что уже давно не верит в Бога Тем не менее, у нее скрыто присутствует представление о том, что существует «природа» мужского и женского, более

общераспространенному мнению, согласно которому половой статус дается от рождения!

Читая стенограммы бесед Агнес с психиатром, психоаналитиком, психологом и социологом, сложно назвать ее наивной или недалекой, не замечающей проблем и противоречий; Гарфинкель характеризует ее, скорее, как хитрого и изобретательного человека. Агнес демонстрировала живой ум и чувствительность к мельчайшим смысловым нюансам, успешно манипулируя консилиумом врачей и группой ученых разного профиля. Ей удавалось всегда говорить именно то, что от нее хотел услышать собеседник ¹².

АГНЕС – НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК

Предположим, что Агнес лжет ¹³. Тогда – это нормальное поведение конформиста: она воспроизводит общераспространенные мнения, позицию «здравого смысла» там, где ей это выгодно. Но Агнес не обычный конформист, она – трикстер, виртуозный обманщик, крайне убедительный, но совершенно ненадежный рассказчик. Но лжет ли Агнес сама себе?

Агнес совершенно искренна в своем желании быть «естественной женщиной». В той системе координат, в которой она живет (США 40-50-х годов прошлого века), само собой разумеется, что человек может быть либо мужчиной, либо женщиной, и это определяется при рождении; случаи гермафродитизма (а именно такой случай пыталась «симулировать» Агнес) считаются ошибкой природы. Кажется, что в то общераспространенное мнение, которому она присягает на верность, встроена некоторая неискренность. Эта господствующая самопонятность пытается забаррикадироваться от противоречий. Но разве это особенность только этой самопонятности? Не строится ли мнение и подразумевание (*докса*) в принципе на отсекании парадоксов? Более того, можно заметить, что подразумевание пытается это самое «отсекание» парадоксов ¹⁴ замаскировать, замести под ковер – оно может сделать это, застыв в форме само собой разумеющегося. В этом «заметании следов» (в догматическом застывании) состоит неискренность подразумевания. Мнение знает о том, что оно лишь мнение, что оно колеблется между бытием и небытием, но оно выдает себя за незыблемую, «само собой разумеющуюся» данность. Обманывая, подразумевание

фундаментальная, чем набор хромосом. Я благодарен Анастасии Копыловой, которая обратила мое внимание на это обстоятельство..

12 «Когда я, готовя эту статью, вновь просмотрел письменные записи и прослушал магнитофонные записи наших бесед, то был неприятно поражен количеством эпизодов, когда я не мог определить, отвечает Агнес на мои вопросы или узнает из моих вопросов и, что более важно, из более тонких сигналов до и после вопросов, каковы должны быть ответы» (Гарфинкель 2007, с. 157).

13 Я имею в виду ложь во внёморальном смысле: ситуацию, когда Агнес сознательно вводит собеседника в заблуждение или недоговаривает что-то существенное. Речь идет не о той лжи, которая требует морального осуждения, а скорее о чем-то похожем на имитационный защитный механизм (см. об этом Секацкий 2017).

14 Делёз 1998, 15, с. 110.

прежде всего обманывает само себя относительно собственного статуса. И начинает верить в свой само собой разумеющийся статус «на голубом глазу».

Получается, что даже лгущая читателю Агнес – вполне искренний адепт самопонятности. Агнес искренне верит в само собой разумеющееся, только вот в само собой разумеющееся встроен «самообман (*mauvaise foi*)», неискренность¹⁵. Подозрение в неискренности Агнес можно распространить на саму повседневную самопонятность: а верит ли кто-нибудь в нее «до конца»? Кстати, требует ли самопонятность веры, убежденности, понимания? Похоже, что не требует.

* * *

Глава об Агнес в книге Гарфинкеля – это одновременно мелодрама и детектив (Denzin 1993, p. 210; McIlvenny 2002, p. 143). В ней есть что-то и от шпионского романа: Агнес пытается на ходу понять правила игры, в которую вступила, аксиомы мира, в котором оказалась; она – шпион в мире естественных мужчин и женщин (Гарфинкель 2007, 146; см. Секацкий 2000, сс. 166-223). По мере продвижения в тексте нарастает симпатия читателя к Агнес: его не может не впечатлять упорство и находчивость этого отважного «разведчика». *Twist ending* (развязка, которая меняет смысл произошедшего) затрагивает и это чувство: теперь читатель, равно как и интервьюер-исследователь, чувствует себя обманутым – что, впрочем, не отменяет заслуженной симпатии к ненадежному рассказчику. Этнометодолог и читатель оказываются в странном «мерцающем положении» между сопереживанием и разочарованием. Напряжения этому состоянию добавляет тот факт, что не знаешь, обманывает ли Агнес только врачей, Гарфинкеля и тебя или также и самое себя.

Читатель находится в ситуации неразрешимости: то ли Агнес неискренне присягала на верность чужой самопонятности, то ли ей удалось вырастить в себе самопонятность, противоречащую ее собственному опыту, и поверить в нее. Грубо говоря: застывая в форме самопонятности, подразумевание «лицемерит» или «лжет само себе»? Как много в обмане самообмана?

С точки зрения композиции гарфинкелевская глава об Агнес блестяще построена: на протяжении пятидесяти страниц подпитывается и укрепляется одно подразумевание (Агнес – субъект с двойственной половой принадлежностью). Группа врачей, психологов, социологов, а также читатели инвестировали себя в это подразумевание. В приложении (пятистраничном письме доктора Столлера Гарфинкелю) предлагается совсем другое подразумевание (Агнес – трансгендер), которое меняет смысл всех предшествовавших пятидесяти страниц. То, что ты думал об Агнес, то, как ты относился к ней, – все это никуда не исчезло, но только твое подразумевание «заражено» неразрешимостью («лицемерие» или «самообман»), в него заронили зерно сомнения, оно стало неизбежно «мерцательным».

---

15 Ср.: «Доктор Шепард не обманывал нас, в его планы не входило обманывать нас. Он лишь пытался обмануть себя самого, свою субъективность» (Руднев 1996, с. 181).

Переворот одного подразумевания (у Агнес редкая гормональная аномалия) в другое (Агнес – трансгендер) запускает колебание между двумя равновозможными позициям: а) Агнес обманывает врачей (она – трикстер); б) Агнес обманывает себя (она – субъект *mauvaise foi*). **Смысловой переворот** (признание Агнес) **провоцирует мерцание подразумеваний**. Два смысла («Агнес – конформист-трикстер» и «Агнес заворожена самопонятностью») попеременно просвечивают друг сквозь друга. Такого рода мерцание смысла после смыслового переворота – где еще его можно встретить помимо случая Агнес?

ГАРФИНКЕЛЬ: АДЕПТ «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА» ИЛИ НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК?

В последние десятилетия такие исследователи, как Дензин и МакИлвенни, обратили критическую оптику Гарольда Гарфинкеля на него самого:

Исследование случая Агнес, проведенное Гарфинкелем, строится на ряде гетеро-сексистских предпосылок. Согласно Дензин (*Denzin 1993*, p. 210) Гарфинкель «создал текст, позволивший ему (и читателю) видеть в Агнес личность с “промежуточным половым статусом” и мужскими гениталиями, которой удалось выдать себя за женщину». Текст Гарфинкеля отчасти – детективная история, отчасти мелодрама, и в рамках него Гарфинкель представил (гетеросексуальное) маскулинное прочтение сексуальности Агнес. Более того, можно сказать, что он и его текст производят в качестве осмысленных поведение и установки подотчетные «естественному порядку» (гетеро)сексуальности; уже определено тела какого пола могут вступать в сексуальные отношения какого рода и с какими другими сексуализированными [*sexed*] телами. Так, например, Гарфинкель вскользь упоминает, что врачи и вспомогательный персонал постоянно ждали так называемых «сигналов», которые могли бы указать на намечающуюся гомосексуальность пациентки, и они использовали бы знаки такого рода для того, чтобы обесценить авторепрезентацию Агнес как женщины. Поэтому альтернативное название для главы Гарфинкеля <вместо «Переход и управляемое достижение полового статуса индивидом с “межполовой” принадлежностью» – Г.Ч.> могло бы быть: «Управляемое достижение нормативных понятий “межполовая принадлежность” и “естественная, нормальная половая принадлежность” (*qua* “гетеросексуальность”) наблюдателей; достижение совершенное Агнес, Гарфинкелем и профессиональными медиками/психиатрами» (*McIlwenny 2002*, 143).

Как видно из этого пассажа, естественная установка в отношении пола/гендера (*Гарфинкель 2007*, pp. 132-136, *Kessler, McKenna* pp.113, 121) может по содержанию измениться на противоположную (например, само собой разумеющимся может стать утверждение: «гендер – продукт социального конструирования»), не перестав быть естественной установкой. Догматизм коренится не в содержании, а в самой форме естественной установки.

Но все же, что если сам Гарфинкель оборачивается агентом «здравого смысла», естественной самопонятности? Что меняет такого рода переворот и какой от него прок?

TWIST ENDING И СМЫСЛОВОЙ ПЕРЕВОРОТ

Twist ending – финал, меняющий смысл всего произведения/рассказа – какого его значение для философии? В XX веке всерьез обсуждалась идея написать философский текст, состоящий из одних вопросов (*Витгенштейн* цит. по *Руднев* 1993, с. 37). Так не стоит ли в таком случае писать философский текст, построенный по принципу *twist ending*? Также говорили, что философская книга должна быть видом детективного романа (*Делёз* 1998, с. 10). Пожалуй, такого рода философскую книгу было бы интересно писать, но кто стал бы ее в XXI веке читать? Образно говоря: кому какое дело, кто убил Роджера Экройда? (*Wilson* 1950, сс. 257-265). Как известно, финалы так называемых «фильмов с непредсказуемым финалом» очень предсказуемы. В кинокритике и литературной критике существует целая впечатляющая классификация смысловых переворотов¹⁶. Что такое нарративный троп как не застывший смысловой переворот? Значит, смысловой переворот – это не панацея от застывшей самопонятности, он сам вполне может стать ее жертвой. И все же, как мог бы выглядеть философский текст, строящийся по принципу мерцания смысла и смыслового переворота? В случае философского текста речь будет идти не о повороте на уровне фабулы, а о «мерцательности» (*Пригов* 1997, с. 75; 1999, с. 58) смысла.

На обоих полюсах мерцания смысла ('а. Агнес – искренний адепт «здравого смысла»' и 'б. Агнес – ненадежный рассказчик') подразумевание может застыть в форме самопонятности. Но можно попытаться сохранить мерцание смысла, обнаруживая проблеск непонятности в этих новообразованных самопонятностях.

Зачем философии смысловой переворот? Философии нужна мерцательность смысла, а значит, нужны и смысловые перевороты. Но зачем ей мерцательность? Мерцательность смысла нужна философии для того, чтобы показать скрывающийся за самопонятностью колеблющийся характер подразумевания. Важно показать: сама самопонятность – не то, за что себя выдает: она либо трикстер, либо жертва *mauvaise foi*. Самопонятность – это претензия, которая выдает себя за обладание. Мерцательность смысла позволяет рассматривать претензию именно как претензию.

Можно посвятить целое исследование первым фразам литературных произведений (*Robbe-Grillet* 2005, pp.131). То же касается и философских текстов; один из них начинается так: «Внешнее восприятие – это постоянная претензия осуществить что-то, что оно по сути своей осуществить не в состоянии» (*Husserl* 1966, p. 3). (Такой зачин посильнее, чем «Все счастливые семьи похожи друг

---

16 О вариантах *twist ending* в поп-культуре см. в энциклопедии tvtropes.org; об экзистенциальном прочтении принципа *twist ending* в литературном произведении см. *Руднев* 1996, сс. 180-193.

на друга...») Постоянная претензия осуществить что-то, что оно по сути своей осуществить не в состоянии – это верно не только в отношении восприятия, но и в отношении любого застывшего подразумевания. В случае подразумевания (которое потом может застыть в форме самопонятности) никто не заставляет действительно знать подразумеваемое или верить в него – совершенно достаточно претензии или *имитации*.

Случай Агнес говорит нечто существенное о том, как может быть устроена самопонятность: как имитация замороженности. Замороженность самопонятным избавляет от мучительной непонятности самопонятного; при этом не обязательно быть действительно замороженным, достаточно имитировать замороженность. Так многие имитируют понимание того, «что такое число один» или «что такое значение слова», тем самым избавляя себя от беспокоящей непонятности, от «ментального спазма» (*Витгенштейн* 2008, с. 27). Агнес ведет себя так, как если бы она была заморожена самопонятностью. Гарфинкель проговаривает самопонятное, тем самым остраивая его ¹⁷. Он не заморожен самопонятным и не имитирует замороженность. Теперь можно попробовать вести своего рода «двойную бухгалтерию» (*Bleuler* 1911, p. 308; *Husserl* 2002, p. 15): имитировать замороженность самопонятным и при этом остраивать ее; понимать и не понимать самопонятное.

Итак, что происходит в беседах Гарфинкеля и Агнес? Рассказчик воспроизводит само собой разумеющиеся аксиомы, «естественную установку», даже если они противоречат его собственному опыту; ему удается «заслониться» от противоречий, он выглядит «замороженным» самопонятностью того, что он утверждает (или имитирует «замороженность»). Затем читатель сталкивается со смысловым переворотом (рассказчик-догматик оборачивается рассказчиком-трикстером), и это провоцирует в нем самом переворот само собой разумеющегося в непонятное. Читатель обращает внимание на свою собственную замороженность само собой разумеющимся («самопонятным») – слепую вовлеченность в набор аксиом. В случае Агнес до конца не знаешь, кто перед тобой: искренний адепт «здорового смысла» или ненадежный рассказчик; как, впрочем, ты не знаешь, **понимает ли кто бы то ни было до конца то, что якобы является само собой разумеющимся**. Именно поэтому неожиданный финал пятой главы книги Гарфинкеля (проблеск непонятности в самопонятном) демонстрирует значимость смыслового переворота для философии и позволяет наметить стратегию работы с «замороженностью самопонятным».

ГАРФИНКЕЛИНГ И ОБРАЩЕНИЯ К ГРАЖДДАНАМ

Здесь можно вернуться к гарфинкелингам («превращению обыденных сцен в заметные»), с которых начиналась глава, и отметить, что обыденное незаметно именно в силу своей самопонятности. По-видимому, в самопонятность вшита

---

17 «Just in any actual case immortal ordinary society is a wonderful beast. ... Immortal, ordinary society is strange» (Garfinkel 2002, p. 96).

«приостановка неверия»¹⁸: беспокоящее странное, которого предостаточно и в повседневности, всякий раз успешно одомашнивается. Какой была бы повседневность без «приостановки неверия»? Она бы представляла собой неизбывное страдание Анны Рау, гарфинкелинг, из которого как из дурного сна «некуда проснуться».

Самое раннее описание гарфинкелинга можно найти в работе 1952 года:

- Киоск закрыт.
- Конечно, закрыт. У вас продается журнал *Тайм*?
- На сегодня киоск закрыт.
- Тогда продайте мне журнал снаружи. Мне необязательно входить.
- Сегодня больше ничего не продаем.
- Вы можете просто дать мне журнал, если так предпочитаете, но я готов и заплатить.
- Мистер, я Вам ничего не продам и не дам.
- А, например, моей жене?
- Вы хотите, чтобы я позвал полицейского?
- Он продает журнал *Тайм*?

(*Garfinkel* 2008, p. 138)¹⁹

У *Обращений к гражданам* Пригова и гарфинкелингов есть структурное родство: это управляемое распатывание конвенций здравого смысла. В какой момент можно сказать, что пробуящий самопонятность на прочность «заигрался»? Пожалуй, тогда, когда он не может остановиться – это отличает, например, принудительную госпитализацию Пригова от клинического случая Анны Рау. Пригов мог оформлять детские площадки по всему Советскому Союзу чебурашками и крокодилами, как если бы это было само собой разумеющееся занятие, и одновременно расклеивать обращения, распатывающие господствующую самопонятность, показывать, что «самопонятность не так уж и самопонятна»²⁰ (*Garfinkel* 2006, p. 140).

Итак, стратегия гарфинкелинга – это проба самопонятности на прочность. Агнес в свою очередь испробовала на прочность самопонятность гарфинкелинга. Получилось, что в своих экспериментах, выявляющих странность повседневного здравого смысла²¹, Гарфинкель наткнулся на «шпиона в мире мужчин и женщин».

---

18 В этом направлении думал учитель Гарфинкеля – Альфред Шюц, говоря об «ἐπιτομή φυσικῆς установки». Кольриджу удалось сказать это более простыми словами, хотя его «приостановка неверия» изначально относится только к эстетике – к вовлеченности в мир художественного произведения, – а не к повседневности в целом. Что, впрочем, не мешает использовать его расширительно по отношению к вовлеченности в повседневный мир. За эту идею я бы хотел поблагодарить Анну Ямпольскую.

19 “The store is closed.” “Of course it’s closed. Do you sell Time magazine?” “The store is closed for the night.” “Then sell me the magazine out here. I don’t have to go inside.” “No more selling today.” “If you want to give me the magazine, that’s up to you, but I’m prepared to pay.” “Mister, I’m not selling or giving anything to you.” “What about my wife?” “Do you want me to call a cop?” “Does he sell Time magazine?”»

20 «...the not nearly so obvious obviousness».

21 «Сама возможность существования мира здравого смысла является исследовательской проблемой. <Обычно> такая возможность либо постулируется теоретически, либо считается

Мысли шпиона, в отличие от мыслей обывателя, имеют двойное дно (за мыслью «я всегда была девочкой» прячется мысль «я с двенадцати лет принимала эстроген»), что в данном случае заставляет его присягать на верность любой самой вопиющей самопонятности, лишь бы не быть раскрытым.

Обращаясь к классическому термину Виктора Шкловского, можно сказать, что проблема Агнес состояла в недо-остранении (*Garfinkel* 2008, p. 166²²; Меерсон 2001). Агнес интересна Гарфинкелю прежде всего своим упорным нежеланием остранять. Для него странно то, что Агнес не жалуется на странность²³ (*Garfinkel* 2008, p. 186): именно это обычно происходило с жертвами гарфинкелингов; он привык, что повседневный человек при встрече с этнометодологом приходит в замешательство (*Гарфинкель* 2007, с. 64), его выбивает из колеи, с ним помимо его желания случается «приостановка самопонятности»²⁴. Сам Гарфинкель больше всего заинтересован разрывами естественной самопонятности, поэтому в случае Агнес его интригует то, что разрыв не происходит там, где он, казалось бы, должен был произойти (*Garfinkel* 2008, p. 198).

То, что Агнес изо всех сил игнорирует – это ее собственная контингентность (не-необходимость) – нужно быть «кем-то», но в том, чтобы быть именно такой, у Агнес нет необходимости, она вполне могла бы быть другой (если бы, например, не принимала эстроген). «I ain't necessairily so» (*Ibid*, 172) – пишет Гарфинкель, переиначивая знаменитую песню Джорджа Гершвина. Казалось бы, самым естественным для Агнес было бы сказать: я не с необходимостью такова (I ain't necessairily so), но она упорно этого избегает. Шкловский удачно написал об этом: «Вот я, Виктор, мог быть и Владимиром, Николаем»²⁵. Это подталкивает к важной интуиции – контингентности любой самопонятности: дела должны как-то само

само собой разумеющейся» (*Гарфинкель* 2002, с. 42). Интересно, что проблематизация здравого смысла идет не только со стороны социологии повседневности, но и психопатологии. Проект «психопатологии здравого смысла», предложенный Вольфгангом Бланкенбургом (*Blankenburg* 1969), в последние годы развивает Джованни Станжеллини (*Stanghellini* 2004) и Хосе Гонсалес Кальво (*González Calvo* 2012).

22 «The thing that strikes me in the matter is the frequency with which a communicant does not experience anything like a state of incomplete information; in fact, the usual response in answer to a question of how a decision was made in the face of informational shortcomings is a vociferous claim that everything that needed to be known was known».

23 Что было очень характерно для пациентов Бланкенбурга и Минковского.

24 В современных гендерных исследованиях и queer-studies (особенно в немецкоговорящих странах) значимую роль начинает играть «этнометодологическая приостановка самопонятности (*Entselbstverständlichung*)» (*Degele* 2002, 178; см. также *Degele* 2005, 21; *Roßhart* 2009, 48, *Schirmer* 2015, 257); эта стратегия вдохновляется исследовательским проектом Гарфинкеля, а особенно его главой об Агнес. В социологии гендера речь идет о практике раскрытия само собой разумеющегося статуса гендерных ролей и идентичностей, она демонстрирует как (и в какой мере) эти роли и идентичности самопонятны. В рамках этой стратегии представители queer-studies стремятся показать насколько странным (queer) оказывается само собой разумеющееся. Бросается в глаза то, как (по крайней мере, в диалогах с Гарфинкелем) Агнес делает все, чтобы избежать самой возможности приостановки самопонятности (*Entselbstverständlichung*) в отношении ее гендерной идентичности. Ее задача показать насколько не странным является само собой разумеющееся. Для нее жизненно важно убедить своего собеседника: самопонятное ничуть не странно, и она сама ничуть не странна (queer).

25 Шкловский 2017, с. 571.

собой разумеющимся образом обстоит, но вот в том, как именно они обходят, нет необходимости. В этом смысле не случайно, что набросок, из которого выросли философские эпизоды сартровской *Тошноты*, где подчеркивается, что «быть» не разумеется само собой, назывался Факт о *контингентности*.

Если играть не в ту игру, которую от тебя ждут, нарушать самопонятность, то становится заметна контингентность правил игры. Хотя никто не знает до конца правил игры, в которую мы все играем (что значит «быть»? что значит «быть кем-то?»), они, тем не менее, считаются чем-то общеизвестным и самопонятным. Гарфинкель думал, что Агнес играет с ним в крестики-нолики, а она играла с ним в гибридный шахмат и морского боя (*Kriegspiel*)²⁶, на ходу разведывая то, что нужно выдать за само собой разумеющееся.

ЗАВОРОЖЕННОСТЬ И ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Эта статья вполне могла бы называться «О том, как Гарфинкель пережил гарфинкелинг». Агнес поступила с Гарфинкелем так, как он просил своих студентов в порядке эксперимента поступать с окружающими людьми²⁷: превращать обыденные сцены в заметные через контролируемое нарушение (*breaching*) конвенций. Это должно было показать, насколько в рамках повседневности люди «заворожены» здравым смыслом, погружены в его самопонятности, показать им слепые пятна их собственной вовлеченности в мир. Завороженность (*bewitchment*) самопонятным можно сделать заметной, приведя «здравый смысл» в замешательство (*bewilderment*). Сам Гарфинкель подчеркивает, что Агнес – «практический методолог», она на лету схватывает правила мира, в котором оказалась, мира «естественных мужчин» и «естественных женщин». Но Агнес – «практический методолог» даже в большей степени, чем думает сам Гарфинкель. История Агнес – один большой гарфинкелинг (см. Бумар 2016, 69-75), только здесь сам Гарфинкель (и читатель) переживают контролируемое нарушение ожиданий, замешательство. Гарфинкель во второй главе *Исследований по этнометодологии* обращает внимание на то, что теоретики социальных наук склонны изображать обывателя как «одержимого здравым смыслом (*judgmental dope*)», «здравомысленного дурака», приписывать ему набор жестких само собой разумеющихся аксиом. Но не поступает ли сам Гарфинкель так же с Агнес, по умолчанию описывая ее так, как будто она заморожена самопонятностью того, что говорит?

Но *judgmental dope* или *dummy* (Garfinkel 2006, 20) – это не только конструкция социолога, это и защитная стратегия респондента: в ответ на вопросы он может вести себя так, как если бы был *dummy* или *dope*, считая, что именно этого от него и ждут. Если тебе задают опасные вопросы, проще всего сделать «оловянные глаза», сделать вид, что ты «ортодоксальнее римского папы». Агнес преподает Гарфинкелю урок: для того, чтобы успешно выполнять повседневные действия, не обязательно быть действительно замороженным их самопонятностью, достаточно

---

26 Гарфинкель очень подробно описывает правила этой игры (Garfinkel 2008, pp. 277-278).

27 За эту идею я бы хотел поблагодарить Даниила Небольсина; сходная мысль высказана в (Бумар 2016).

имитировать замороженность. Агнес нарушает ожидания как Гарфинкеля, так и читателя, демонстрируя, как работает их собственная вовлеченность в само собой разумеющееся.

Чему мы в XXI веке можем научиться из пятой главы *Исследований по этнометодологии*? Имитировать замороженность самопонятным, как Агнес; остраивать самопонятное, приводить «здравый смысл» в замешательство, как Гарфинкель. При этом и то, и другое может делать один тот же человек. Более того, замороженность самопонятным, смысловой переворот, «мерцательность», «двойная бухгалтерия» – это могут быть этапы одной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Беккет С. Моллой, пер. с фр. М. Кореневой, М.: Текст, 2008.

Бумар П. Кастанеда – ученик Гарфинкеля? // Неприкосновенный запас, №1 (105), 2016, сс. 69-75.

Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям», Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008.

Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение, т. 2, №1, 2002, сс. 42-70.

Глава 5. Переход и управляемое достижение полового статуса индивидом с «межполовой» принадлежностью; Приложение к главе 5 // Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии, СПб: Питер, 2007, сс. 126-192; 309-313.

Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*, М.: Раритет, Ек.: Деловая книга, 1998.

Пригов Д.А. Мерцательность // Художественный журнал: ХЖ, Выпуски 16-20, 1997, с. 75.

Предуведомление к одному из сборников начала 80-х годов // Монастырский А. (сост.) Словарь терминов московской концептуальной школы, М.: Ad Marginem, 1999, с. 58.

Собрание сочинений в пяти томах, т. 2: Москва. Вирши на каждый день, М.: НЛЮ, 2016.

Руднев В.П. (ред.) Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель, М.: Культура, Прогресс, 1993.

Исследование экстремального опыта // Руднев В.П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста», М.: Русское феноменологическое общество, 1996, сс. 180-193.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии, М.: Республика, 2000.

Секацкий А.К. Шпион и разведчик: Инструменты философии // Секацкий А.К. Три шага в сторону, СПб.: Амфора, 2000, сс. 166-223.

Онтология лжи, СПб.: Трактат, 2017.

Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова, Новосибирск: Наука, 2001.

Шкловский В.Б. Самое шкловское, Берлина А. (сост.), М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017.

Beckett S. Molloy, Paris: Minuit, 1951a.

Blankenburg W. Ans tze zu einer Psychopathologie des «common sense». *Confinia psychiatrica* №12, 1969, ss. 144-163.

- Bleuler E. Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenien, Handbuch der Psychiatrie. Spezieller Teil. 4 Abteilung, 1 Hlfte, Leipzig & Wien: Franz Deuticke, 1911.
- Degele N. "Mutti sp lt, Papa arbeitet". Zur Soziologie von Arbeit und Geschlecht // Freiburger Frauen Studien, №13, 2002, ss. 175-193.
- Heteronormativit t entselbstverst ndlichen. Zum verunsichernden Potenzial von Queer Studies // Freiburger Frauen Studien 17, 2005, ss. 15-39.
- Denzin N.K. Sexuality and gender: An interactionist/poststructuralist reading // England P. (ed.) Theory on Gender/Feminism on Theory, NY: A. de Gruyter, 1993, pp. 199-221.
- Garfinkel H. Chapter five. Passing and the managed achievement of sex status in an intersexed person; Appendix to chapter five // Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology, Prentice Hall Inc: Englewood Cliffs, NJ, 1967, pp. 116-185; 285-288.
- Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.
- Seeing Sociologically: The Routine Grounds of Social Action, Boulder, CO: Paradigm, 2006.
- Toward a Sociological Theory of Information, Boulder, CO: Paradigm, 2008.
- Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten (1918-1926), Husserliana XI, M. Fleischer (ed.), The Hague: M. Nijhoff, 1966.
- Zur Ph nomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachla (1926-1935), Husserliana XXXIV, S. Luft (ed.), Dordrecht: Kluwer, 2002.
- Kessler S. J., McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach, Chicago & London: University of Chicago Press, 1978.
- McIlvenny P. Critical Reflections on Performativity and the 'Un/Doing' of Gender and Sexuality in Talk // McIlvenny P. (ed.) Talking Gender and Sexuality, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002.
- Robbe-Grillet A. Pr face une vie d'crivain, Paris: Seuil, 2005
- Rohrlich J. Queere Kritiken, Kritiken an queer. Debatten um die Entselbstverst ndlichung des feministischen Subjekts // Scheele A., Kurz-Scherf I., Lepperhoff J. (eds.) Feminismus: Kritik und Intervention, M nster: Westf lisches Dampfboot, 2009, ss. 48-63.
- Schirmer U. Geschlecht anders gestalten: Drag Kinging, geschlechtliche Selbstverh ltnisse und Wirklichkeiten, Bielefeld: transcript Verlag, 2015.
- Schwabe A.D., Solomon D. H., Stoller R. J., Burnham J. P., Pubertal Feminization in a Genetic Male with Testicular Atrophy and Normal Urinary Gonadotropin // Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism, 22, №8, August 1962, pp. 839-845.
- Stanghellini G. Disembodied Spirits and Deanimated Bodies: The Psychopathology of Common Sense, Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Stoller R.J. Sex and Gender: The development of masculinity and femininity, London: Karnac Books, 1968.
- Wilson E. Who Cares Who Killed Roger Ackroyd? // Wilson E. Classics and Commercials. A literary chronicle of the forties, NY: Farrar, Straus & C , 1950, pp. 257-265.
- Wolff S. Der rhetorische Charakter sozialer Ordnung. Selbstverst ndlichkeit als soziales Problem, Berlin: Duncker & Humblot, 1976.